

Рецензия Кугача Михаила на статью: «Армия США в первой мировой войне: тематическое исследование участия в крупномасштабных боевых операциях на земле и в воздухе»

Первая мировая война заняла непростое место в американском общественном и политическом сознании». В 1920-е и 1930-е годы полемика вокруг войны пронизывала культурную и политическую жизнь страны, влияя на мемориальную культуру и государственную политику. Однако интерес к войне значительно ослаб после Второй мировой войны, гораздо более крупной и продолжительной войны для Соединенных Штатов. Несмотря на обилие научных работ, посвященных практически всем аспектам войны, интерес к войне остается ограниченным даже среди академических историков. Во многих отношениях Первая мировая война стала «забытой войной», потому что американцы так и не сформировали объединяющую коллективную память о ее значении или политических уроках, которые она преподнесла. Американцы помнили Гражданскую войну как войну, покончившую с рабством и спасшую Союз, Вторую мировую войну как «хорошую войну», устранившую фашистские угрозы в Европе и на Тихом океане, холодную войну как борьбу за выживание против коммунистического врага и Вьетнамский конфликт как непопулярную войну. Для сравнения, Первая мировая война не смогла найти стабильного места в национальном нарративе.

Всемирное празднование столетия 2014–2018 годов стало культурным моментом, когда для американцев стало почти обязательным признать войну. Ошибочные военные интервенции в Афганистане и Ираке, нестабильность на Ближнем Востоке, опасения, что «американский век» закончился, и опасения по поводу сохранения гражданских свобод во время бесконечной внутренней «войны с терроризмом» вызвали множество статей и размышлений в журнале The New York Times. Популярная пресса, проводившая параллели между

современностью и 1914-18 гг. Интеллектуалы использовали мероприятие по празднованию столетия, чтобы исследовать проблемы, преследующие Соединенные Штаты в двадцать первом веке. Напротив, откровенно националистический тон, привнесенный на политическую арену во время и после президентских выборов 2016 г., усилил тенденцию официальных памятных мероприятий подчеркивать американский триумф. Американская военная победа обычно представлялась как стартовая площадка для восхождения страны к статусу сверхдержавы, дополняя (возможно, непреднамеренно) желание новой республиканской администрации возродить гордость за прошлые достижения Америки и исключительное величие.

Однако в то же время столетие заложило основу для научного ренессанса в изучении Первой мировой войны. Лекции, выставки и конференции, организованные библиотеками, музеями и университетами по всей территории Соединенных Штатов, оставили неизгладимый след. Многие архивы воспользовались внезапно появившимися средствами для полной инвентаризации, а иногда даже для оцифровки своих фондов времен Первой мировой войны. Библиотека Конгресса, например, подготовила крупную выставку «Отголоски Великой войны: американский опыт Первой мировой войны», сопровождаемую подробным обзором фондов, связанных с Первой мировой войной, и новыми онлайн-ресурсами, включающими ноты, фотографии, карты и рукописи. Точно так же Пенсильванская академия изящных искусств организовала обширную художественную выставку «Первая мировая война и американское искусство», которая предложила серьезную новую интерпретацию, бросив вызов традиционному представлению о том, что американские художники почти не замечали конфликта¹.

Не менее важно и то, что каждое публичное мероприятие побуждало еще одного американца углубляться в личную семейную историю, и

¹ A Guide to World War I Materials, Library of Congress. 2019

обнаруженные материалы часто попадали в общественное достояние через частные коллекции писем или в виде пожертвований местным библиотекам и архивам. Книга Эндрю Дж. Хюбнера «Любовь и смерть в Великой войне» представляет собой научный взгляд на это популярное желание оценить влияние войны на семьи². Внезапное осознание того, что участие в войне было важным историческим опытом, достойным памяти, наполнило письма и артефакты новой ценностью для как семьи, так и профессиональные архивисты. Действительно, собственная семья Хюбнера занимает видное место в «Любви и смерти».

Акцент на местной памяти также получил импульс, когда Национальный фонд гуманитарных наук профинансировал лекции и выставки о Первой мировой войне в местных публичных библиотеках во всех пятидесяти штатах³. Многие города «заново открыли для себя», как Первая мировая война наполнила их собственный культурный ландшафт.

Историк искусства Марк Левич инициировал проект инвентаризации мемориалов времен Первой мировой войны и успешно использовал краудсорсинг для создания базы данных о местных памятниках и мемориалах. Впоследствии проект «100 городов/100 мемориалов» предложил средства для восстановления этих давно забытых свидетельств участия Америки в войне. Интерес к местному военному опыту нашел отражение в научных работах, посвященных отдельным городам или регионам, таких как «Нью-Йорк» Росса Дж. Уилсона и «Первая мировая война: формирование американского города»⁴.

Оборотной стороной интереса к локальному были попытки включить американский опыт в новый научный поворот к рассмотрению войны как глобального конфликта. Трехтомная антология 2014 года под редакцией Джея

² Andrew J. Huebner. *Love and Death in the Great War*. Oxford, 2018

³ Scott Berg. *World War I and America: Told by the Americans Who Lived It*. New York, 2017

⁴ J. Wilson. *New York and the First World War: Shaping an American City*. London, 2016

Винтера «Кембриджская история Первой мировой войны⁵» полностью включила Соединенные Штаты в глобальную историю войны и помогала информировать общественность обо всей войне, а не только об опыте США.

Соединенные Штаты поздно начали подготовку к столетию. Созданная в 2013 году Комиссия по случаю столетия Первой мировой войны США, состоящая из двенадцати членов, получила минимальное государственное финансирование (в отличие от Соединенного Королевства, которое выделило 50 миллионов фунтов стерлингов по этому случаю). Обширный веб-сайт и серия подкастов публиковали новости, связанные со столетием, но мероприятия по сохранению памяти полагались в основном на специальные усилия местных музеев, университетов, государственных комиссий и преданных своему делу людей. Комиссия потратила много времени, пытаясь заручиться поддержкой для возведения национального мемориала Первой мировой войны в Вашингтоне, округ Колумбия. С этой целью комиссия получила необходимые правительственные разрешения, провела конкурс по выбору проекта и даже провела церемонию закладки фундамента в парке Першинг — месте, выбранном для предполагаемого памятника. Тем не менее, когда празднование столетия подошло к концу, памятник остался недостроенным и недофинансированным. Фрэнк Баклз, последний оставшийся в живых американец, ветеран Первой мировой войны, умер в 2011 году. Без живых ветеранов, которых можно было бы почтить, у комиссии не было веских аргументов в пользу создания мемориала⁶.

Сто лет назад политический императив был совершенно другим. Первоначально воспоминания о конфликте из первых рук доминировали как в художественных, так и в исторических интерпретациях американских военных действий, поскольку участники пытались примириться с войной. Ученые были воодушевлены подобным коллективным желанием вернуть себе

⁵ Jay M. Winter. The Cambridge History of the First World War. Cambridge, 2014

⁶ Jennifer D. Keene. Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present. Chicago. 2021. P. 3

то, что война значила для тех, кто пережил ее, и ее непреходящее наследие для Соединенных Штатов⁷.

Значительное влияние на теоретическое переосмысление опыта первой мировой оказало и стремление армии США к выработке современных боевых доктрин. Подобное было бы невозможно без обращения к истокам американского военного могущества. Для этого военные активно сотрудничали с центрами армейских исследований, находящихся под патронажем Пентагона.

В этих сложных условиях и была написана статья «Армия США в первой мировой войне: тематическое исследование участия в крупномасштабных боевых операциях на земле и в воздухе»⁸. В ней исследуется новая армейская концепция подхода к крупномасштабным наземным боевым действиям, появившаяся в США в период первой мировой войны. Переход к операциям, приводящимся на разных тактических уровнях (земля и небо), изменил традиционный взгляд на то, как командующие и штабы армий обосновывают свою боевую доктрину.

Авторы констатируют, что армия США вступила в Первую мировую войну в 1917 году почти полностью неподготовленной к крупномасштабным наземным боевым действиям, с которыми она столкнулась в 1918 году. В армии не было ни образованных и опытных старших офицеров, которые ей понадобились бы для командования или управления ее крупными подразделениями, ни проверенной военной доктрины⁹. Первоначально в армии также полностью отсутствовала доктрина, оборудование и персонал для новой воздушной службы, которую она была вынуждена создать и использовать. Но американская армия проявила упорство, чтобы выстоять перед лицом трудностей, и начал развиваться в гораздо более грозную боевую

⁷ Ibid.

⁸ Balboni M. The US army in world war I: A case study in large-scale combat operations in multiple domains//Mission Command of multi-domain operations. US Army War College. 2020

⁹ Ibid. P. 3

организацию, чем ту, которая существовала в начале кампании. Хотя вооруженные силы и не смогли полностью решить множество проблем, с которыми они столкнулись, если бы война продолжалась, штурмовая пехота и авиаторы внесли бы еще более решающий вклад в достижение победы. Действия вооруженных сил Америки значительно улучшились как в области наземных операций, так и в воздухе несмотря на то, что они активно участвовали в боевых действиях всего около пяти месяцев. Но Першинг и большинство других офицеров армии США консервативно видели потенциал авиации в первую очередь в качестве вспомогательного оружия. Полковник Т. Д. Миллинг, начальник Воздушной службы Первой армии, сформулировал общепринятое мнение о том, что «Воздушная служба представляет ценность для военного ведомства только постольку, поскольку она связана с другими родами войск». Послевоенное правление 1923 г., возглавляемое генерал-майором, Уильямом Ласситером рекомендовало Воздушной службе (к 1926 г. — Воздушному корпусу) иметь два типа авиационных подразделений: первый — для поддержки и прикреплению к наземным частям, а второй — более автономный авиационный отряд для нанесения ударов по районам, удаленным от земли¹⁰. Положительным моментом было то, что экспедиционные войска показали себя хорошо обучающейся организацией, особенно в вопросах интеграции в доктрину нового воздушного поля боя, однако это обучение ранним операциям, в которых сражения разворачивались на разных оперативных уровнях стоило дорого.

Первая мировая война также породила фанатиков военно-воздушных сил, таких как Митчелл и итальянец Джулио Дуэ, которые, по сути, утверждали, что авиация сделала другие формы боевых действий излишними. Митчелл подробно изложил свои взгляды на военно-воздушные силы. Он заявлял, что, если война произойдет, «к счастью, возникнет совершенно новый элемент, авиационная мощь. Воздушная мощь может атаковать жизненно

¹⁰ Ibid. P. 15

важные центры противостоящей страны напрямую, полностью разрушая и парализуя их. И не так много национальных сил придется расходовать на проведение воздушных операций»¹¹.

Статья не претендует на новизну в описании неудовлетворительного состояния американской армии на момент и этот элемент вторичности в рассуждениях ее авторов кажется мне самым слабым моментом работы. О слабости американских экспедиционных сил на момент 1917 года было много написано в европейских работах. Не является откровением и факт стремительного наращивания мощностей американской военной промышленности вкупе с приобретением опыта у личного состава, что в конечном счете вело к качественному преобразованию экспедиционных сил.

Самой сильной частью статьи я считаю описание эволюции подхода к использованию американской армией своей авиации. Возможность проследить зарождение американских ВВС, которые впоследствии проявят себя на полях второй мировой, во Вьетнаме и многочисленных конфликтах на Ближнем Востоке, став основой знаменитого «арсенала демократии» - занятие весьма увлекательное. Особенно учитывая, что современная боевая доктрина США основывается на использовании авиации вкупе с небольшими тактическими группами и их передвижении по всему земному шару в составе авианосных групп. Акцентирование внимания читателей на уникальности Первой мировой как войны, добавившей еще одно измерение к привычному сухопутному ведению войны – также кажется мне невероятно важной особенностью обозреваемой работы. Несмотря на то, что авиация в силу своей относительной примитивности еще не влияла на ход войны так сильно как в последующих конфликтах, ее активное применение существенно влияло на ход военных столкновений. Я считаю, что обращение к опыту первой мировой как к важному фактору генезиса американской боевой мощи может пролить

¹¹ Ibid.

свет на те части военной истории, которые ранее оставались недоступны для исследователей и широкого круга читателей.

В результате, по мнению авторов, открытие нового тактического измерения в ходе войны позволило по-новому взглянуть на составление актуальных для 20-го века военных доктрин. На мой взгляд, представленный труд займет достойное место в перечне современных работ по военной истории.